

ОСТАТОЧНЫЕ ВИБРАЦИИ

РОМАН

СОФЬЯ МАРК

Софья Марк

Остаточные вибрации

«Автор»

2026

Марк С.

Остаточные вибрации / С. Марк — «Автор», 2026

Он превращает корпоративные катастрофы в капитал одним точным словом.
Она измеряет частоту боли, оставшейся в стенах разрушенных фьордов и
заброшенных шахт. Когда специалист по управлению правдой встречает
специалиста по её измерению — сбивается пульс у обоих.

© Марк С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Фоновый шум	5
Глава 2: Издержки транзакции	10
Глава 3: Входящие активы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Софья Марк

Остаточные вибрации

Глава 1: Фоновый шум

*«Цена бесцумной работы
системы всегда оплачивается диссонансом в другом месте. Закон
сохранения
эмоциональной энергии».
(из рабочего бриф-дока Марка).*

5:47. Фьорд Хардангер, Норвегия.

Холод здесь был инвестицией. Он вкладывался в кости, вытесняя тепло, а через несколько часов начинал приносить дивиденды в виде кристальной, почти болезненной ясности мысли. Алиса Волкова знала это. Она купила билет в Осло, потом лицензию на посещение закрытого объекта и три часа ночного пути на внедорожнике не ради эстетики. Она приехала за активом.

Заброшенный никелевый рудник «Форгетмельд» возвышался над фьордом как памятник стратегической ошибке: неэффективная добыча, растущие экологические штрафы, бунт акционеров — классический кейс для курса МВА. Теперь он принадлежал фонду фондов, который выжидал, пока скандинавская госпрограмма по реабилитации территорий не сделает его перепродажу втрое выгоднее.

Алиса прошла мимо таблички «Zugang verboten», её шаги глухо отдавались в металлических мостках. Она не смотрела на ржавые механизмы так, как смотрел бы инвестфонд — оценивая. Она искала точку входа в их память.

Сняв перчатку, она приложила ладонь к опоре главного каркаса. Кожа мгновенно онемела от холода стали. Она ждала.

Через сорок семь секунд — едва уловимая рябь, пробежавшая от кончиков пальцев к запястью. Не физическая. Эмоциональная. Точка найдена.

Она установила геофон, подключила его к усилителю и через компактный микшер вывела сигнал в наушники. Мир перезагрузился. В наушниках возникло не хаотичное гудение — возник отчёт. Его можно было разложить на слои, как отчётность:

Бас, 4 Гц — устойчивый, гулкий. Движение подземных вод. Фундаментальный актив. Риск подтопления при реконструкции.

Металлический лязг, 90 Гц — циклические щелчки. Термическое напряжение конструкций. Постоянные операционные издержки на поддержание каркаса.

Высокая обертоновая нота, 12 кГц — свист в расщелине. «Призрачная» статья расходов. Эмоциональный налог на место — тоска.

Она сделала голосовую заметку, и пар от дыхания повис в воздухе облачком:

— Объект ноль-сорок семь. «Форгетмельд». Частота доминанты — одиннадцать герц, порог тревоги человеческого мозга. Материальные активы: сталь, бетон, доступ к воде. Нематериальные: паттерн коллективной фрустрации, концентрированная усталость. Рекомендация: перед ребрендингом обязательна эмоциональная санация. Без этого репутационные риски превысят семьдесят процентов.

Она упаковала оборудование в кейс. На выходе телефон завибрировал один раз — сигнал VIP-линии.

— Алиса, это Отто. — Голос берлинского галериста звучал так, будто он говорил из слишком мягкого кресла. — Инвесторы хедж-фонда вышли из проекта в Исландии. Твоя концепция «Стоны ледника: отчёт о банкротстве эко-совести» их беспокоила. Им нужен позитивный нарратив для портфолио. «Возрождение». «Надежда». Можешь сделать надежду?

Алиса посмотрела на график на экране планшета — острые пики тревоги, провалы скорби.

— Надежда, Отто, — произнесла она чётко, — это статистическая погрешность. Шум на плёнке. Инвестировать стоит только в ту правду, которую можно измерить. А здесь мера — боль.

Она положила трубку. Следующий вылет — через четыре часа. В Лиссабон.

* * *

9:00. Пало-Альто, Кремниевая долина.

Конференц-зал «Некст-Тек» был спроектирован, чтобы не отвлекать: звукоизоляция на пятьдесят два децибела, свет, имитирующий одиннадцать утра в Цюрихе, воздух, обогащённый кислородом до уровня горного курорта. Здесь принимали решения, стоимость которых превышала ВВП небольших стран.

Марк Серебряков не входил в комнату — он возникал в ней, как точный алгоритм, запущенный в идеальную среду. Тёмно-синий костюм, часы, которые были не украшением, а инструментом, устанавливающим код доверия до первого слова.

Перед ним сидели трое основателей «KeenLook». Их алгоритм компьютерного зрения за сутки до IPO обнаружил «необъяснимую» погрешность: он хуже распознавал лица людей с тёмным цветом кожи. Акции уже падали в афтермаркете. Паника в их глазах была чистой, неразведённой — Марк видел такую же у трейдеров перед обвалом рынка.

— Вы думаете, что у вас кризис, — начал Марк, его голос был ровным, как линия горизонта на калибровочном экране. — Вы ошибаетесь. У вас появился уникальный актив. Право написать историю первым.

Он повернулся к стеклянной стене, ставшей экраном. Появился граф.

— Сейчас нарратив такой: «Стартап с предвзятым ИИ». Стоимость — минус восемьдесят процентов капитализации, иски, запрет на госзаказы. Ноль.

Он коснулся стены, и граф перестроился.

— Нарратив завтра: «Пионеры этичного ИИ, разработавшие первый в мире алгоритм выявления собственных скрытых смещений». Стоимость — рост на двести процентов, колонки в Wired и MIT Tech Review, спецпроект с ООН.

Один из основателей, парень в худе, попытался вставить:

— Но это ложь. У нас баг!

— Бренд — это не то, что вы сделали, — отрезал Марк, глядя ему прямо в глаза. — Это то, что вы исправили. Люди не покупают продукты. Они покупают моральное превосходство. Вы продадите им шанс почувствовать себя частью исправления ошибки. Это сильнее любого функционала.

Следующие сорок минут он диктовал текст заявления. Каждое слово было активом или обязательством. «Сбой» становился «ценным инсайтом», «предвзятость» — «вызовом для следующего поколения инклюзивных технологий». Он не скрывал правду. Он проводил ребрендинг реальности.

В перерыве Симона, его ассистентка, подала ему телефон. На экране — маршрут: Пало-Альто — Сан-Франциско — Лиссабон. И досье: «Атлантик Телеком». Утечка данных. Три миллиона клиентов. Возможные коллективные иски. Оценочный ущерб репутации — 4,7 миллиарда долларов.

— Они ждут вас завтра в восемнадцать ноль-ноль, — тихо сказала Симона. — Совет директоров в полном составе.

Марк кивнул. В голове уже строились деревья решений, прописывались сценарии. Он подошёл к окну. Вертолёт садился на крышу соседнего здания, его винты вращались почти бесшумно — результат инвестиций в новые материалы.

Идеальная система, подумал Марк, не вибрирует. Она конвертирует хаос в предсказуемую доходность. Всё остальное — волатильность. А волатильность — это упущенная прибыль.

* * *

20:00. Лиссабон, Музей Галуста Гюльбенкяна.

Вернисаж выставки португальских модернистов был не культурным событием, а тщательно выстроенным опытом для лиц, принимающих решения. Здесь заключались сделки, которые позже появлялись в колонках Bloomberg.

Марк стоял у окна в зале гобеленов, медленно потягивая минеральную воду. Двухчасовая битва с советом директоров «Атлантик Телеком» была выиграна. Он продал им не план, а новую идентичность: «Первый телеком-гигант, внедривший блокчейн-протокол добровольного аудита данных». Акции уже показывали слабый рост в афтермаркете. Его гонорар, привязанный к капитализации, увеличился на пятнадцать процентов.

Ему нужны были эти пять минут тишины. Чтобы мозг, как сложный алгоритм, завершил дефрагментацию.

И тогда он увидел аномалию.

У дальней стены, сложенной из грубого камня шестнадцатого века, стояла женщина. Не в платье, как остальные, а в чёрном крое технического шёлка — дорогом, но незаметном. Функциональном. Она не смотрела на гобелены. Стояла, положив ладонь прямо на камень, глаза закрыты, тело абсолютно неподвижно, кроме лёгкого трепетания век. Как будто читала слепым методом.

Марк отключил усталость. Аналитический модуль запустился. Варианты: корпоративный шпионаж? Психическое расстройство? Слишком театрально для первого, слишком собранно для второго. Риск низкий, потенциал неизвестен. Требуется прояснения.

Он подошёл, выбрав неагрессивную дистанцию.

— Я могу помочь? Вы что-то потеряли?

Она медленно открыла глаза. Взгляд был не расфокусированным, а, наоборот, чрезмерно сконцентрированным — будто она только что прочитала сложный контракт. Он скользнул по его лицу, оценивая, но не как человека, а как элемент обстановки.

— Нет, — её голос был низким, с лёгкой хрипотцой. — Я слушаю.

Марк позволил брови чуть приподняться — минимальная, контролируемая демонстрация любопытства.

— В этом зале тише, чем в моём сейфе. Какую музыку можно здесь услышать?

Она не улыбнулась. Провела кончиками пальцев по неровной поверхности камня.

— Не музыку. Отчётность. Этот камень — бухгалтерская книга. В тысяча девятьсот сорок втором здесь каждый день, ровно в пять вечера, появлялась женщина. Ждала. Её муж был капитаном торгового судна. Его конвой разбомбили у Азорских островов. Она не знала. Она ждала. Ежедневный депозит надежды, который никогда не конвертировался. Эмоциональные потери обладают самой долгой памятью. Они резонируют на частоте семь герц — это порог, где реальность перестаёт быть объективной. Её отчаяние сейчас — фоновый шум вашего спокойствия.

Вся система логических построений Марка, отточенная в Гарварде и отшлифованная тысячами сделок, дала сбой. Она говорила не на языке метафор или мистики. Она говорила на

языке данных. Частоты. Герцы. Эмоциональные потери как нематериальный актив с длительным сроком амортизации.

Это был не бред. Это был альтернативный метод *due diligence*. Опасный. И гениальный в своей парадигме.

Его внутренний диалог сменился мгновенно: не художник. Не сумасшедшая. Возможно, специалист по неучтённым рискам. Новый класс активов. Требуется немедленного изучения.

— Вы консультант? — спросил он, убирая из голоса всю иронию. Осталась только чистая диагностика.

— Сейсмолог, — ответила она, доставая из кармана не визитницу, а прямоугольник плотной, шершавой бумаги, похожей на чертёжную. На ней был отпечаток — кривая, как на мониторе сердечной активности или биржевом графике. Или сейсмографа. Ни имени, ни телефона. Только короткая ссылка на канал в Telegram. — Но я составляю карты не тектонических разломов. Я оцениваю эмоциональный долг места. Его скрытые обязательства.

Марк, не глядя, достал визитку из матового пластика с логотипом «Narrative Flow» и QR-кодом. Протянул её.

Она взяла. Их пальцы не соприкоснулись.

— Марк.

— Алиса.

Она кивнула, будто только что завершила короткую, но важную встречу, и, не добавляя ничего, развернулась и ушла в полумрак следующего зала.

Марк остался с куском грубой бумаги в руке. Она пахла бергамотом и холодным камнем. Он сунул её во внутренний карман пиджака, туда, где обычно лежал паспорт. Глупый жест. Неэффективный.

Он вернулся в главный зал, к гулу голосов и звону бокалов. Но теперь слышал это иначе. Каждый смех был сигналом с определённой амплитудой, каждая пауза — предметом анализа на содержание. Её слова о фоновом шуме висели в его сознании, как неустраняемая помеха.

Позже, в номере отеля, принимая душ с видом на парк, он снова ощутил ту бумагу в кармане пиджака, висевшего на стуле. Он вынул её. При свете торшера кривая на ней казалась знакомой. Достал телефон, открыл приложение с биржевыми графиками. Наложил мысленно. Нет, не то. Открыл отчёт по стресс-тесту одного из своих фондов. График волатильности. Приблизительно. Было что-то в этом сходстве.

Он сел в кресло, откинул голову. Перед внутренним взором проплывали графики, цифры, схемы. И вдруг — чётко, как тикер на табло — возникла частота. Семь герц. Не число. Ощущение. Ощущение упущенного актива.

В ту ночь ему не снились кошмары. Ему снились диаграммы. И одна из кривых, самая непредсказуемая, была подписана «Алиса».

А в тридцати километрах от отеля, в съёмной квартире в Алфаме, Алиса сидела на полу, прислонившись спиной к стене. Включённый ноутбук отбрасывал синеватый свет на её лицо. На экране — спектрограмма записи из музея. Она отфильтровала голоса, музыку. Оставила только резонанс камня и фоновый шум зала.

Одна кривая выделялась. Не та, что принадлежала камню. Та, что появилась позже. Ровный, чуть учащённый ритм. Чужой пульс. Тот, что синхронизировался с её голосом в момент, когда она сказала «семь герц», а потом сбился.

Она проигрывала этот фрагмент снова и снова. Не из интереса к человеку. Из интереса к феномену. Живой субъект отреагировал на её данные. Не отверг, не проигнорировал. Его физиология зафиксировала попадание в цель.

Она посмотрела на его визитку, лежащую рядом на столе. Глянцевый чёрный прямоугольник в луже света от лампы. «Narrative Flow». Управление нарративами.

Угол её рта дрогнул. Не улыбка. Скорее, признание достойного противника. Или потенциального партнёра по сложному, высокорисковому проекту.

Она сохранила аудиофайл не в папке «Архив», а в папке «Активные проекты». И дала ему рабочее название: «Переменная X. Источник — Марк. Уровень потенциальной волатильности: крайне высокий. Инвестиционный горизонт: не определён».

Глава 2: Издержки транзакции

*«Любое
первое предложение — это разведка боем. Цель — не закрыть
сделку, а оценить
глубину потребности и границы возможного нет».
(из рабочих принципов Марка Серебрякова).*

7:03. Pestana Palace, Лиссабон.

Солнце ещё не перешагнуло линию горизонта, но Марк уже завершал вторую видеоконференцию. В камине люкса тлели угли, на низком столе стоял графин с водой комнатной температуры и пустой бокал для виски — ритуальные атрибуты переговоров, которые Симона заказывала автоматически. Сам Марк в халате сидел спиной к панорамному окну, чтобы свет не бил в камеру.

На экране был развёрнут финальный отчёт для «Атлантик Телеком». Симона, её изображение в углу экрана было статичным и безупречным, как портрет в годовом отчёте, зачитывала пункты.

— ...пункт семнадцать: предложение о создании наблюдательного совета по этике данных с участием

— Вычеркнуть, — голос Марка прозвучал резче, чем требовалось. Он сделал паузу, взял со стола карточку Алисы — шершавый прямоугольник, лежавший рядом с клавиатурой. — Наблюдательные советы — это расходы, которые не конвертируются в лояльность. Заменить на «программу краудсорсинга безопасности» с геймифицированным интерфейсом. Люди должны чувствовать себя не подопытными, а союзниками и героями.

— Понимаю, внесено, — голос Сима не дрогнул, но в её взгляде мелькнула доля секунды несогласия. Она знала: эта агрессивная эффективность, это стремление не просто победить, а тотально переписать правила — признак внутренней турбулентности. Марк был стабильным активом. Сегодня его волатильность выросла.

Он откинулся в кресле, проводя подушечкой большого пальца по ребристой поверхности карточки. Бумага издала тихий шорох, похожий на отдалённый радишум.

— Сима, — сказал он, не глядя в камеру. — Новый запрос, приоритет «Альфа».

На экране появилась новая, пустая вкладка.

— Имя: Алиса Волкова. Профессия: сейсмолог, специализация — психоакустика, анализ низкочастотных вибраций. И да, я хочу полный аудит. Это не должно выглядеть как публичный цифровой след. Научные базы: Scopus, Web of Science, патенты. Финансы: возможные гранты, источники дохода, кредитная история. Персональный контекст: семья, связи, психологический профиль, если доступно. Оценка рисков: аффилированность с активистскими группами, спецслужбами, конкурентами. Срок — двадцать четыре часа.

В воздухе повисла тишина, которую нарушал лишь едва слышный гул системы вентиляции.

— Марк, — наконец сказала Сима, и в её голосе впервые за два года работы прозвучала осторожность. — Это выходит за рамки стандартного due diligence. Это персональный киберпрофиль и юридические риски

— Я не спрашиваю об оценке рисков, — холодно парировал он. — Я даю задание. Бюджет — лимит на оперативную разведку уровня В. Цель — определить операционную угрозу и потенциал. Я хочу понять, с чем и с кем мы имеем дело. С хакером, художником или с новым классом активов.

— Принято, — Сима сделала на экране пометку. Её лицо снова стало непроницаемой маской. — Отчёт будет в вашем зашифрованном хранилище к завтрашнему утру.

Связь прервалась.

Марк положил карточку на столешницу из чёрного дерева. Она лежала там, как артефакт с другой планеты, нарушая безупречную геометрию пространства. Он почувствовал раздражение — ровное, глубокое, как фоновая вибрация. Он привык всё контролировать, в том числе собственное любопытство. Эта женщина превратила его любопытство в навязчивую идею за один вечер.

Он подошёл к окну. Внизу, в парке, туман стелился над газонами, подстриженными с математической точностью.

Любой актив можно оценить, — подумал он. — Даже если его истинная цена — нарушение твоего внутреннего баланса.

* * *

11:17. Кафе «Fabrica», Шиаду.

Алиса пришла на десять минут раньше. Она выбрала столик у стены, откуда виден и вход, и запасной выход. Отличная привычка.

Лео вошёл ровно в 11:10, с лёгкой улыбкой, которая не доходила до глаз. На нём был тёмно-серый свитер из кашемира, мягко облегающий плечи, и в его походке читалась та же усталая элегантность, что и в интерьерах, которые он проектировал.

— Алиса, — кивнул он, садясь. — Выглядишь собранной.

— Это комплимент или диагноз? — она не стала улыбаться в ответ.

— Констатация факта. — Он сделал знак официанту, не глядя в меню. — Двойной эспresso и воду. Для тебя?

— Зелёный чай. Сенча.

Их ритуал был отточен: два бывших партнёра, встречающиеся раз в квартал для взаимного аудита. Никаких эмоций — только баланс.

— Исландия, — начала она, когда официант отошёл. — Проект закрыт, инвесторы вышли из-за некорректной, по их мнению, аннотации. Потери таковы: аванс двести тысяч евро, невозвратные затраты на оборудование ещё семьдесят и падение кредитного скоринга для фонда «Культурные инновации» на пятнадцать пунктов.

Лео слушал. Его лицо оставалось неподвижным. Он не предлагал помощь — это было против правил.

— С моей стороны, — сказал он, когда она закончила, — твоя доля в квартире на Патриарших выкуплена полностью. Последний транш составит пятьсот семьдесят тысяч евро и поступит на твой счёт в течение часа. Документы отправлены твоему юристу.

Он достал телефон, показал ей экран с подтверждением перевода. Она кивнула. Операция была чистой и быстрой, как хирургическое удаление когда-то общего органа.

— Есть ещё один пункт, — Лео отпил эспresso. — Твой отец звонил мне на прошлой неделе. Интересовался твоим благополучием.

Алиса не изменилась в лице, но пальцы её правой руки слегка сжали фарфоровую чашку.

— И что ты сказал?

— Что ты взрослый человек и самодостаточный специалист. Что его беспокойство трогательно, но избыточно. Он настаивал, что готов финансировать любую твою деятельность, которая кажется ему «разумной». Лабораторию, кафедру в университете.

— Его деньги, — произнесла Алиса ровно, — имеют эмоциональные strings attached. Я не беру заём под процент, выраженный в чувстве вины. Это невыгодные условия.

Лео смотрел на неё. Его взгляд скользнул по её лицу, заметил лёгкую тень под глазами, которую не скрыл макияж, микроскопическую дрожь в её руке, когда она поднесла чашку ко рту. Он ничего не сказал. Вместо этого отложил телефон в сторону.

— У меня есть коммерческое предложение, — сказал он деловым тоном. — Веду ревитализацию комплекса портовых складов девятнадцатого века в Генуе. Местные рабочие отказываются работать в одном из корпусов после заката. Говорят о «странных звуках», чувстве паники. Инженеры-рационалисты тоже фиксируют аномальные акустические явления. Я могу заказать стандартное исследование. Но мне нужен эксперт по нестандартным воздействиям. Если интересно, могу отправить ТЗ. Оплата по рыночной ставке консалтинга.

Алиса смотрела на него. Это больше походило на тест, чем на помощь, — проверку, не сломалась ли она окончательно, и одновременно шлюз: возможность вернуться в мир нормальных, измеряемых проектов. Мир, где боль была хоть и знакомой, но предсказуемой.

Она машинально достала телефон, запустила диктофон.

— Опиши аномалии подробнее, — сказала она, и её голос приобрёл профессиональную, отстранённую интонацию.

— Низкочастотный гул, источник которого не могут найти. Внезапные перепады давления, фиксируемые приборами, — ответил Лео, чётко, как на совещании с заказчиком.

Алиса слушала, её взгляд был прикован к экрану диктофона, где бежала звуковая волна. Когда Лео закончил, она выключила запись.

— Пришли ТЗ на почту. Я изучу и дам ответ.

Он согласился. Их встреча была закончена. Он расплатился наличными, оставив щедрые чаевые, и ушёл, не оборачиваясь.

Алиса осталась сидеть, допивая свой зелёный чай.

Два предложения за двадцать четыре часа, — подумала она. — От галериста ложь в обмен на комфорт. От бывшего мужа боль в обмен на стабильность. Рынок сегодня не в мою пользу.

* * *

18:44. Частный лаунж, аэропорт Лиссабона.

Марк проходил паспортный контроль по дипломатической линии, когда в наушниках раздался ровный голос Симы.

— У меня есть предварительные данные по Волковой.

— Говори.

— Доктор геофизики, ETH Zurich. Диссертация по корреляции низкочастотных акустических эмиссий и тектонического напряжения. Два патента: метод фильтрации антропогенного шума в сейсмоданных и устройство для записи инфразвуковых колебаний в городской среде. Цитирования — высокие. Научный капитал — значительный.

Марк молча кивнул офицеру пограничной службы, принимая обратно паспорт.

— Финансы, — сказал он, направляясь к выходу в зону вылета.

— Нестабильны. Доход в основном складывается из грантов на арт-исследования и разовых заказов от культурных институций. Кредитная история короткая, без просрочек, но с низким потолком. Значительные личные сбережения, по-видимому, от продажи имущества. Есть долг перед швейцарской налоговой за закрытую компанию отца — «Волков Индастриз». Сумма не критичная, но взыскание висит.

— Отец?

— Сергей Волков. Бывший владелец сети производств среднего размера. Разорился восемь лет назад, продал активы по частям. Сейчас на пенсии, живёт в кантоне Во. Отношения с дочерью осложнены. Он считает её деятельность маргинальной.

— Личное.

Здесь Сима сделала микроскопическую паузу.

— Была замужем за Леонидом Гордеевым, архитектором, владельцем бюро «Gordeev & Partners». Брак длился три года, расторгнут два года назад по инициативе Волковой. Причины

медицинского характера: была беременна, на двенадцатой неделе произошла замершая беременность. После этого пройден курс терапии. Гордеев предлагал остаться, но получил отказ.

Марк остановился у огромного окна, за которым заправляли его рейс в Нью-Йорк. Огромный авиалайнер стоял неподвижно — гигантская, идеально отлаженная машина.

— Риски, — произнёс он, глядя на крыло самолёта.

— Высокие. Участвовала в проектах с есо-art активистами, чьи акции граничили с вандализмом. Фигурирует в одном полицейском протоколе как «свидетель» — дело было закрыто. В соцсетях не активна, но состоит в нескольких закрытых чатах, где обсуждают «эко-терроризм». Вероятность связи со спецслужбами низкая, но не нулевая. Психологический профиль, составленный по открытым текстам и паттернам поведения, указывает на высокий интеллект, склонность к риску, низкую потребность в социальном одобрении и незавершённый процесс горевания.

Марк молчал.

— Итоговый вердикт? — спросил он.

— Со стороны риск-менеджмента инвестирование не рекомендовано. Волатильность превышает потенциальную доходность.

— Спасибо, Сима. Отчёт в мой сейф.

Он отключил связь, и в голове у него уже строилась модель.

Он не видел ни художницу, ни жертву обстоятельств. Он видел уникальную технологию, которая читает эмоциональный долг мест, — способную предсказать бунт на заводе, скандал в офисе, провал бренда по вибрациям, которые никто больше не улавливает. Это была не наука, а конкурентное преимущество. Опасное, нестабильное, но потенциально революционное.

Он сел в кресло в лаунже и открыл личный ноутбук с двойным шифрованием. Создал новый email. Адресом отправителя стал сгенерированный одноразовый ящик.

Тема: *Возможность для взаимной оптимизации активов*

Клиент: *Частный фонд (конфиденциально)*

Объект: *Поместье Шато де ля Мер, Дордонь, Франция. Год постройки — 1789. Смена нескольких владельцев, в том числе в период Второй мировой войны.*

Задача: *Провести комплексный вибрационный аудит территории и построек для выявления скрытых репутационных и эмоциональных паттернов, не фиксируемых стандартными методами due diligence.*

Сроки: *10 дней на проведение работ, 5 на отчёт. Оплата:* 120 000 евро, наличными или криптовалютой на выбор. 50% аванс.

Приложение: *Двустороннее NDA (прилагается).*

Марк перечитал текст. В нём не было ни намёка на личное — только деловой, холодный расчёт. Он покупал не её услуги, а опцион на её восприятие. Тестировал, чего стоят её принципы на бирже её потребностей.

Риск был высок. Но математика — её долги, его ресурсы, уникальность её метода — была на его стороне.

Он прикрепил безупречно составленный NDA, который не содержал скрытых ловушек, но был пронизан тонкими намёками на то, что клиент обладает почти неограниченными ресурсами и ожидает абсолютной лояльности. Затем нажал «Отправить».

Объявили посадку на его рейс. Марк откинулся в кресле, глядя в тёмное небо за стеклом. Его пальцы бессознательно выстукивали по подлокотнику ритм. Не мелодию — частоту. Семь ударов в секунду.

Первая ставка сделана, — подумал он. — Ждём ответного хода. Истинная игра начинается, когда оппонент делает ход, который ты для него предусмотрел.

* * *

00:11. Квартира в Алфаме, Лиссабон.

Алиса сидела перед большим монитором в почти полной темноте. Экран делился на две части.

Слева — письмо от Лео, сухое техническое задание на исследование складов в Генуе. Бюджет: 25 000 евро. Сроки гибкие. В приложении чертежи, отчёты инженеров, даже распечатанные показания рабочих. Всё чисто, прозрачно, безопасно. Дорога назад в нормальность.

Справа — письмо от неизвестного отправителя. Тема о «взаимной оптимизации». Предложение на 120 000 евро. Анонимный клиент. Поместье в Дордони. Вибрационный аудит для выявления «скрытых паттернов». И идеально составленный NDA — она потратила полчаса, проверяя его на скрытые оговорки, и намеренно оставила цифровой след: вызов, который, она была уверена, заметят.

Ловушек не нашла. Но воздух письма был другим. Он пах сделкой, а не работой. Рискованной, тёмной, с высокой ставкой.

Она сравнивала не суммы, а цену.

Цена Лео: деньги, знакомый дискомфорт, остатки уважения, похороненные под слоями молчания. Это была инвестиция в стагнацию.

Цена Неизвестного: большие деньги, абсолютная неизвестность, ощущение, что ты вступаешь в игру с интеллектом, который уже изучил твоё досье. Это было вложение в хаос.

Алиса откинулась в кресле, положив ладонь на низ живота. Тишина Всегда тишина.

Затем она надела наушники. Сначала включила запись с норвежского рудника — низкий, гулкий стон, боль. Потом запись своего голоса из музея: «вибрации горя семь Герц». И следом — тот фрагмент, где на её словах чужой пульс участился, а потом сбился. Она слушала эту последовательность, как слушают музыкальную фразу: боль — правда — отклик.

Она открыла нижний ящик стола и достала старую, потрёпанную записную книжку Moleskine. Перелистнула на последнюю страницу. Там, от руки, был нарисован график, состоящий из одной прямой линии. Ровная, как линия горизонта на мёртвом море. Она нарисовала его через месяц после выкидыша, пытаясь зафиксировать своё состояние. Тишину. Отсутствие вибраций. Смерть.

Её взгляд перешёл на кривую, оттиснутую на той карточке, что она дала Марку. Та кривая была живой, сложной, полной шумов, пиков, провалов. Она была противоположностью тишине.

Алиса закрыла глаза. В этот раз перед ней стоял не моральный выбор, а инвестиционный. Куда вложить остатки своего внимания, своей уязвимости, своей способности чувствовать?

Она открыла глаза. Её пальцы замерли над клавиатурой на секунду. Затем она открыла окно ответа на письмо от Неизвестного. Текст был короче, чем само предложение.

«Готова к обсуждению деталей. Алиса».

Она отправила.

Затем открыла чат с Лео. Его последнее сообщение всё ещё висело на экране: «Жду твоего решения». Она набрала ответ: «Спасибо за предложение. Вернусь к нему позже. Сейчас беру другой проект».

Она отключила монитор. В темноте комнаты был слышен только далёкий, приглушённый гул ночного Лиссабона и её собственное ровное дыхание.

Алиса сидела неподвижно, и по её левой щеке, медленно, преодолевая сопротивление высохшей кожи, скатилась одна-единственная холодная и абсолютно прозрачная слеза.

Это не было от горя или сожаления. Это была слеза ясности. Ясного, ледяного понимания того, что она только что сознательно купила билет в зону экстремальной турбулентности. Потому что тихий, предсказуемый полёт больше не мог доставить её туда, куда она, в глубине

души, всё ещё хотела попасть. Туда, где что-то — пусть даже боль, пусть даже опасность — наконец-то резонировало.

На экране её выключенного телефона, лежавшего рядом на столе, отражался свет уличного фонаря. На чёрном стекле, как призрак, светилось размытое отражение её лица. И поверх него, словно наложенный цифровой слой, проступал QR-код с визитки Марка — маленький, идеальный квадрат из света и тьмы.

Глава 3: Входящие активы

«Доверие нельзя назвать эмоцией, потому что это предварительно рассчитанный риск, принимаемый при недостатке информации. Чем выше ставки, тем сложнее уравнение».
<i>(из презентации Марка «Управление нарративами в кризисных сделках»).</i>

09:15. Частный терминал аэропорта Ле-Бурже, Париж.

Воздух здесь пах не керосином и асфальтом, а замшей кресел и свежемолотым кофе из собственной обжарки. Марк сидел в углу лоунжа, стилизованного под библиотеку английского клуба, и смотрел на пришедший ответ: «Готова к обсуждению деталей. Алиса».

В нем не было никаких эмоций и вопросов, просто чисто деловая констатация. Мужчина почувствовал лёгкое разочарование. Он ожидал большей сложности, в виде сомнений, уточнений, попытки торга. Прямоту Алисы можно было трактовать либо как профессионализм, либо как отчаяние. Первое было ценнее, второе - опаснее.

Он набрал номер, который она указала в карточке. Ответ поступил на третьем гудке.

— Алло, — её голос был ровным, без признаков усталости или волнения, как будто девушка ждала этого звонка за рабочим столом.

— Это Марк, ваш ответ получен. Благодарю за оперативность.

— Ваши условия приняты. Что дальше? — никаких «здравствуйте», никаких «спасибо за предложение».

Алиса сразу перешла к алгоритму действий.

— Вопрос логистики. Когда вы можете быть в Дордони? Клиент ожидает начала работ в течение недели.

— Завтра, — в её голосе не было колебаний. — Мне нужен полный доступ к объекту на 72 часа и без наблюдателей. Также понадобятся исходные данные - история владения, любые архивные документы, связанные с местом, включая полицейские протоколы, если они есть.

Марк позволил себе усмехнуться в трубку, но его голос остался нейтральным:

— Полицейские протоколы не входят в стандартный пакет *due diligence*.

— Стандартный пакет не выявляет того, что ищу я. Вибрации насилия, страха, горя - они оставляют след в документах так же, как и в камне. Я проверяю контекст, если его скрывают, значит, есть что скрывать. Мой отчёт будет включать этот фактор как риск.

Мужчина замолчал на секунду, оценивая. Алиса поставила условия, которое было разумным с точки зрения её методологии. Более того, оно показывало её ход мыслей, она подозревала, что объект «грязный» и была права.

— Документы будут, — сказал он. — Полный доступ предоставят. Вы летите в Бордо, оттуда вас встретит машина. Все расходы оплачены. Контакт для связи на месте придёт в течение часа. Вопросы?

— Один, — на другом конце провода послышался лёгкий скрежет, возможно, она подвинула чашку. — Клиент. Он знает специфику моего метода и готов ли к результатам, которые могут быть неудобными?

Прямой удар в самую суть. Марк почувствовал холодок профессионального уважения.

— Клиент нанял вас именно за специфику. Что касается результатов, — он сделал паузу, выбирая слова, — клиент ценит информацию выше комфорта. Ваша задача предоставить информацию. Его задача решить, что с ней делать.

— Понятно, — сказала она.

Больше не прозвучало ни слова. Тишина в трубке была настолько плотной, что Марк на секунду подумал, не разорвалось ли соединение.

— Тогда до завтра, — ответил он и положил трубку.

Марк откинулся в кресле, закрыв глаза. Его пальцы сами собой вывели на столешнице семь точек. Семь Герц. Её голос не дрогнул ни разу. В нём не было ни страха, ни жадности, а только холодная, отточенная решимость. Это меняло расчёт, Алиса не была слабым звеном, наоборот, непредсказуемым оператором.

Мужчина открыл глаза и отправил Симе короткое сообщение: «Необходимо активировать протокол Тень для объекта в Дордони. Установить полное внешнее наблюдение и никакого вмешательства. Цель этого всего - фиксация её методологии. И обязательно поднять все архивы по Шато де ля Мер, включая неоцифрованные, особенно 1940-1944 годы».

Игра началась, его оппонент только что сделал первый, неожиданно сильный ход.

* * *

14:40. Поезд TGV, маршрут Париж - Бордо.

Алиса смотрела в окно на мелькающие поля и виноградники. Пейзаж был умиротворяющим, почти идиллическим. В её наушниках звучала не музыка, а обычная запись низкочастотного гула большого города, белый шум для концентрации.

На коленях лежал раскрытый планшет. Девушка изучала документы, которые прислали накануне вечером. История поместья оказалась кристально чистой. Покупки, продажи, наследования, всё аккуратно, всё по нотариусам.

Ни одного судебного дела, ни одного упоминания в криминальной хронике. Для места, пережившего Французскую революцию и две мировые войны, это было статистически невозможно. Значит, документы были подчищены или составлены заново.

Алиса переключилась на спутниковые снимки территории. Усадьба, парк, небольшой лес, река всё расположено геометрически правильно, даже слишком. Старые французские усадьбы всегда имели «дикие» уголки, следы перестроек, архитектурные наслоения. Здесь же всё выглядело как дорогая, но бездушная декорация.

Её телефон завибрировал от поступившего сообщения. Номер был незнаком. «Ваша машина черный Range Rover, номер 642-DG-33, водитель Жан. Он будет у выхода 3. Ключи от главного дома и все пропуска у него. На территории кроме вас никого не будет, продовольствие завезено. Связь со мной через этот номер. Удачи. М.»

Коротко, безлично и эффективно.

В ответ она отправила: «Принято».

Сейсмолог открыла свою базу данных и запустила алгоритм перекрёстного анализа.

Для дальнейшей работы ввела параметры «Дордонь, 1942-1944, исчезновения, нераскрытые дела, гестапо, Соппротивление». Алгоритм начал рыться в оцифрованных архивах местных газет, мемуарах, даже в списках пассажиров поездов того времени. Это была долгая работа, но у неё было 72 часа.

И Алиса чувствовала, что там, под слоем подчищенных документов, лежала правда и она, вероятно, была чудовищной.

Поезд замедлил ход, приближаясь к Бордо. Алиса выключила белый шум. Внезапная тишина в наушниках оглушила её. На мгновение она снова ощутила ту самую внутреннюю пустоту, тишину после потери.

Девушка резко вдохнула и заставила себя сосредоточиться на тактильных ощущениях от вибрации пола под ногами, запаха кожи сиденья, давления ремня безопасности.

Ей не были страшны призраки в старом доме, но она боялась тишины в собственной голове. Эта работа, этот тёмный, сомнительный заказ был способом заглушить её.

Чужие вибрации могли помочь, чтобы не слышать собственное молчание.

* * *

18:20. Шато де ля Мер, Дордонь.

Машина бесшумно катила по гравийной дорожке, огибая идеально подстриженные газоны. Перед глазами неожиданно возник дом из светлого камня с высокими окнами и симметричными флигелями. Выглядело красиво, но мёртво.

Жан, водитель, молчаливый мужчина лет пятидесяти в безупречном костюме шофёра, вышел, открыл ей дверь и протянул ключ в виде электронного брелка.

— Запасной выход проходит через кухню. Генератор включен. Мой номер сохранен на быстром наборе в доме, если вдруг что-то понадобится.

— Спасибо, Жан, — кивнула Алиса. — Я буду работать, прошу меня не беспокоить.

— Понимаю, — он слегка склонил голову и уехал, оставив её одну на огромной, безмолвной территории.

Она вошла внутрь.

Интерьер был стилизован под старину, но пахло новыми материалами и средством для полировки мебели. Не было ни малейшего намёка на запах времени, воска, старых книг, древесины. Пройдя через парадные залы, она поднялась по мраморной лестнице. Её шаги гулко отдавались в пустоте.

Алиса выбрала комнату на втором этаже, не самую большую, но с каменными стенами и минимумом мебели. Разложила все рабочее оборудование, состоящее из трех высокочувствительных геофонов, портативного спектроанализатора, ноутбука с усиленной звуковой картой. Размещать датчики наугад не стоило. Сначала ей нужно было найти «узлы» - места, где вибрации могли сконцентрироваться.

Сняв обувь, она прошлась босиком по дубовому полу, потом по каменным плитам коридора. Сейсмолог искала кожей.

В большинстве мест пол был просто холодным и твёрдым. Но в одном месте, у глухой стены в конце коридора, она почувствовала лёгкую, едва уловимую дрожь не от сквозняка, а что-то другое.

Алиса установила здесь первый геофон, затем спустилась в подвал. Воздух здесь был прохладным и сырым, но опять же, без характерного запаха плесени или земли. Стены были покрыты новой штукатуркой. Проходя вдоль них, прикладывала ладони. В дальнем углу, за старыми, явно декоративными бочками, её рука вдруг наткнулась на участок стены, который был на градус холоднее. И под пальцами была не гладкая штукатурка, а грубый, необработанный камень.

Ей понадобилось подняться наверх, чтобы взять небольшой фонарь с ультрафиолетовой лампой. Вернувшись в подвал, Алиса выключила свет и направила УФ-луч на подозрительный участок.

Стена светилась неравномерно, пятнами, как будто её много раз мыли агрессивными химикатами. Сейсмолог приблизилась и присмотрелась. Между камней в некоторых местах виднелись тёмные, не флюоресцирующие вкрапления. Возможно, просто другой минерал, а возможно и что-то ещё.

Она не стала ковырять стену так как это было бы нарушением контракта. Но сделала несколько фотографий в высоком разрешении при разном освещении.

Поздно вечером, когда стемнело окончательно, девушка вышла в парк, взяла с собой портативный датчик ЭМП и направленный микрофон. Ночь была безлунной и невероятно тихой, без пения птиц и стрекотания сверчков. Тишина была настолько гнетущей, что звенела в ушах.

Она включила оборудование. И тут её «уши» - микрофоны - уловили то, чего не могла услышать она сама.

Из глубины парка, со стороны старой, полуразрушенной оранжереи, донёсся звук, который не был похож на голос или шаги. Низкочастотный стон, почти на грани инфразвука.

Частота около 9 Герц показала частоту глубокой тревоги и панических атак. Звук длился ровно 17 секунд, затем оборвался.

Алиса вдруг замерла, потому что это был не случайный шум природы. Это был паттерн.

Она быстро вернулась в дом, подключила все геофоны к ноутбуку и запустила запись в режиме 24/7 с сохранением на внешний диск. Затем открыла программу, которая в реальном времени анализировала звуковой поток и искала аномалии.

Через два часа программа выдала первый результат. В 23:47:31, со стороны восточного флигеля, был зафиксирован ещё один инфразвуковой импульс. Частота 9 Герц. Частота горя, длительностью 11 секунд.

Алиса откинулась в кресле, глядя на две кривые на экране. Они были почти идентичны по форме, но разными по частоте. Как будто один и тот же «голос» пытался передать две разные эмоции: панику и скорбь.

Она достала телефон и набрала тот самый номер.

Ответили почти мгновенно.

— Да.

— Это Алиса, у меня есть вопросы.

— Слушаю.

— Первое, что произошло в восточном флигеле? Точнее, что там было до реконструкции?

На том конце провода последовала пауза более долгая, чем необходима для припоминания.

— По документам прачечная и комнаты для прислуги. Почему вы спрашиваете?

— Потому что прачечные не стонут на частоте 9 Герц, — её голос был спокоен, но в нём звучала сталь. — Второе, в подвале, в северо-восточном углу, есть участок стены, который много раз отмывали. От чего?

Теперь пауза затянулась.

— Вы должны предоставить отчёт, Алиса, а не задавать вопросы.

— Мой отчёт будет включать эти вопросы. И если на них не будет ответов, я укажу это как попытку сокрытия информации и повышу уровень репутационного риска до критического. Клиент платит за информацию, я её собираю. Но для чистоты данных мне нужен контекст. Или вы хотите получить красивый график без объяснения, что за ним стоит?

Молчание. Она слышала его ровное дыхание в трубку.

— Восточный флигель, — наконец сказал Марк, и в его голосе впервые появилась едва уловимая усталость, — во время войны был переоборудован под временный немецкий госпиталь. По неподтверждённым данным, там проводились процедуры. Эксперименты над ранеными из Сопротивления, пойманными в округе.

— А подвал?

— Подвал использовался для содержания заложников перед отправкой в лагеря. Стена могла быть свидетельством попыток кого-то оттуда выбраться.

Алиса закрыла глаза, её предположения подтвердились. Место было пропитано систематизированной индустриальной болью.

— Почему в документах об этом ни слова?

— Потому что нынешний владелец, — голос Марка стал абсолютно бесстрастным, — купил это поместье у внука того самого немецкого офицера, который им командовал. Сделка была частной, все архивы были уничтожены или вывезены. Официально - это просто красивая историческая усадьба.

— А неофициально?

— Неофициально клиент хочет понять, можно ли здесь построить частный отель для очень закрытого клуба. Или «вибрации» места сделают это предприятие невозможным.

Теперь всё встало на свои места. Клиент (возможно, сам Марк или его бенефициар) купил «кота в мешке» и теперь хотел понять, насколько этот кот опасен. А её наняли как экстрасенса-дефектоскопа.

— Понятно, — сказала Алиса. — Отчёт будет готов через 48 часов, но предварительный вывод я могу дать уже сейчас.

— Я слушаю.

— Здесь нельзя строить отель. Здесь вообще ничего нельзя строить, кроме мемориала. Уровень накопленного эмоционального стресса зашкаливает. Это не «атмосферное» место, а незаживающая рана. Любая коммерческая деятельность здесь будет провальной. Потому что люди, даже не зная истории, будут чувствовать это на физическом уровне. У них будет повышаться тревожность, случаться панические атаки, рушиться сделки. Место будет отторгать попытки его осквернить деньгами. Вы должны понимать, что это не метафора, это физика.

Ответа не было, воцарилась тишина. Алиса представляла, как он сидит в своём кабинете где-то в мире, переваривая эту информацию, которая превращала дорогой актив в токсичные отходы.

— Продолжайте работу, — наконец сказал он. Голос был ровным, но в нём что-то надломилось. — Завершите отчёт со всеми доказательствами.

— А что будет с отчётом? — спросила она прямо.

— Это уже не ваша забота. Ваша задача выполнена, вы предоставили данные. Спасибо.

Он положил трубку.

Алиса опустила телефон, продолжая сидеть одна в огромном, тёмном доме, наполненном незримыми стонами. И впервые за долгое время она почувствовала не пустоту внутри, а тяжесть. Груз чужой, давней, невысказанной правды, которую она теперь несла.

Девушка посмотрела на экран ноутбука, где продолжали бежать зелёные кривые, кардиограмма спящего монстра. Она была права, место было больным и её диагноз только что уничтожил многомиллионную инвестицию.

Сейсмолог не знала, радоваться этому или бояться. Но понимала одно, что её тишина внутри наконец-то была нарушена. Её заполнил низкий, неумолчный гул исторической вины. И как это ни парадоксально, это было лучше, чем ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.